

ДЖОАНН ХАРРИС

A handwritten signature in black ink, appearing to read "Джоанн" (Joann) in cursive script.

INSPIRIA

Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
X21

Joanne Harris

VIANNE

Copyright © Frogspawn Ltd 2025

Перевод с английского А. Килановой

Харрис, Джоанн.
X21 Вианн / Джоанн Харрис. — Москва : Эксмо, 2026. — 352 с.
ISBN 978-5-04-218699-8

Теплым июльским вечером Вианн прощается с прошлым и, следуя за зовом переменчивого ветра, отправляется из Нью-Йорка в солнечный Марсель, чтобы начать новую жизнь. Работая официанткой и открывая для себя радость кулинарии, она находит в шоколаде источник тихой магии, способной раскрывать чужие тайны. Но у дара есть цена — и собственная тайна Вианн может разрушить все, что она обрела.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Киланова А., перевод на русский язык, 2026
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026
ISBN 978-5-04-218699-8

Тебе.

Да, именно тебе. Ты знаешь, кто ты.

Буйабес

1

22 июля 1993 года

Я развеяла прах матери в Нью-Йорке ночью четвертого июля. Помню запах залива, и теплый ветер над нагретым солнцем камнем, и сладкий ностальгический дух крендельков, и пончиков, и мусора, и дыма, и жаркий, острый, опасный запах фейерверка, громыхающего в небе.

После этого я попрощалась с Нью-Йорком. Он был ее мечтой, а не моей. Я потратила наши последние доллары на дешевый авиабилет до Марселя и через три дня стояла на берегу другой гавани, глядя на Средиземное море. Здесь было так же жарко, но дул легкий ветерок, и от воды тянуло солью и озоном. Почти вся моя одежда была на мне, а в единственной холщовой дорожной сумке лежали документы, кошелек, запасная одежда, кольцо матери и маленький набор косметических принадлежностей из экономкласса. Потертый карманный атлас Франции и мамина колода карт Таро в шкатулке из сандалового дерева. У меня было от силы пятьсот франков, не было семьи и места, куда пойти. В моем паспорте стояло имя Сильвиан Роша. Пришло время сменить обстановку.

Мы с матерью предпочитали большие города. Она всегда говорила, что в городе проще скрыться. Проще быть никем. Проще оставаться незамеченной. Я никогда не спрашивала, почему ее так манит небытие. Но города переполнены; бесстрастны; люди текут сквозь них. Города — это карманы, которые можно обшаривать; дешевые отели,

из которых можно съехать, не заплатив; недорогая еда; поддержанная одежда; отсутствие вопросов. На одинокую девочку в городе всем плевать, разве что она и правда попала в беду. А я была сообразительным ребенком и знала, куда идти; умела находить то, что мне нужно; добывать еду бесплатно на рынках; обменивать свой труд на самое необходимое. Но теперь я впервые по-настоящему осталась одна. Мать покинула меня и забрала свои страхи: страх слишком долго оставаться на одном месте; страх пустить корни; страх тени. Особенно страх тени — Черного Человека, который преследовал нас. Ничего не осталось; все было развеяно по ветру над Гудзоном четвертого июля. Я была свободна.

Вот только я не чувствовала себя свободной. Полная свобода иногда парализует. Так много возможностей! Так много дверей наперебой требуют, чтобы я их открыла! Но с каждым сделанным выбором приходится отказываться от множества других. Отвергнутое будущее, невстреченные друзья; непрожитые жизни и неведомые пути. Дорогу всегда выбирала моя мать. Так много планов — и в конце так мало времени, чтобы их осуществить. И вот мне двадцать один, а у меня нет ничего, кроме бесчисленных возможностей. Я чувствовала себя клошком мусора, который уносит ветром.

Тот ветер. О да, теперь я его ощущаю. Он меняет имена, как меняли их мы: *Трамонтана, Санта-Ана, Сирокко, Левант, Острия, Мистраль*. Я ощущаю, как он тянет меня — возможно, в Италию, или в Испанию, или вдоль побережья в Монпелье, или вглубь материка в Тулузу или Арманьянк.

«*Куда бы нам отправиться, Виан? Бордо, Монпелье или Ницца? Рим, Венеция или Милан? Лондон, Порту, Страсбург, Берлин? Но только не туда, где мы уже побывали. И не в Париж. Только не в Париж*».

Я наугад открываю атлас. Мама иногда так делала, просто чтобы посмотреть, что выпадет. На развороте — река

Вианн

Баиз, к которой льнет горстка крошечных бастид¹, словно листья к лозе. Эту часть Франции я знаю плохо, но наконец вернулась сюда, будто влекомая инстинктом.

Одна из бастид носит женское имя. *Вианн*. Мне нравится, как это звучит. Похоже на мое имя, но не совсем; словно ветка, растущая из дерева. Возможно, это символ того, что меня ждет. Место перерождения. Почему бы не направиться туда, по крайней мере, пока не подвернется что-нибудь получше? Да, возможно, я направлюсь в Вианн и по дороге найду себя.

Но пока мне надо сообразить, где я сегодня буду спать; что мне есть; как найти свое место в этом незнакомом городе. И это еще не все. Я чувствую внутри пустоту. Не горе, ведь горе — это не отсутствие. Горе — это бремя воспоминаний. То, что вы делали вместе, а теперь придется делать одной. Знание, что воспоминания уже расплываются, как меловой контур на стене, и что скоро — возможно, не сегодня, но на следующей неделе, в следующем месяце или даже в следующем году — я забуду очертания ее лица и точный оттенок ее глаз.

Глядя в зеркало, я не вижу ни намека на нее. Только общие приметы двух людей, которые всю жизнь были вместе; въевшиеся в тело приметы. Кожа, позолоченная одним и тем же солнцем; одинаковые морщинки вокруг глаз. Мы много смеялись, я и моя мать. Надеюсь, тело не забудет.

Но внутри меня пустота. Я чувствую пустоту. Ее нужно заполнить. Жизнь пробивается сквозь смерть; эхо голосов и смеха. Если бы вокруг никого не было, я бы разложила карты и поняла, что это за чувство. *Карты знают лучше, Виан. Прислушивайся к ним.* И сейчас, в полдень, на берегу залива, над которым плывет запах дизельного топлива,

¹ Небольшое укрепленное селение на юге Франции в XII–XIV веках (здесь и далее — прим. пер., если не указано иное).

и соли, и жареной рыбы, мне кажется, что ответ где-то рядом, в дрожащем воздухе, только руку протяни.

Я поднимаю глаза и вижу летнее небо, безупречно синее, словно плащ Девы Марии, не считая белой царапины двойного следа. По форме он похож на руну, развилик в небе, которая указывает на вершину холма, самую высокую точку старого города. На холме стоит тупая квадратная башня, напоминающая крепостную, с золотой верхушкой. Солнце вспыхивает на ней, словно подавая сигналы. Собор? В подобных городах золото обычно принадлежит Церкви. Я ничего не знаю о Марселе, хотя со временем узнаю его хорошо, и за отсутствием других идей поворачиваюсь к золотой занозе в летнем небе и иду к ней по узким улицам, поднимаясь по множеству набегающих друг на друга каменных ступенек. Скоро я узнаю, что это базилика Нотр-Дам-де-ла-Гард, или, как ее называют местные, Bonne Mère — Добрая Мать.

Подъем кажется бесконечным. Должно быть, вымощенные булыжником улицы соединяют не меньше тысячи ступенек. Камни раскалены. Я чувствую их сквозь тонкие подошвы туфель. Ноги ноют, и внезапно на глаза наворачиваются слезы. В последнее время мне часто хочется плакать. Полагаю, это вполне естественно. Срок моей беременности совсем небольшой, но я уже ее чувствую. Что-то изменилось. Меня не тошнит, но что-то надвигается, словно край грозового облака. Впереди тяжелые времена. Не только потому, что я одна или слишком юна, но и потому что ребенок станет для меня якорем. Ребенок вынудит меня пустить корни. Я не умею этого делать. Она не давала мне даже помыслить об этом. Мы были эфирными созданиями, питались светом, дождевой водой. Сама мысль об ответственности, о *собственности* — хотя бы запасной одежде — была опасна. Могла создать прецедент.

«Вещи тебя тормозят, — говорила она. — Из-за них ты чувствуешь себя особенным. Они шепчут, что этот кло-

Фианн

чок земли может принадлежать тебе, вместо того чтобы напоминать: мы лишь насекомые на коже планеты, пляшущие на вулкане».

Мать много такого говорила, особенно в свой последний год, когда рак начал брать верх. Мы покупали ей лекарства на черном рынке в Нью-Йорке — сильные опиаты, которые приглушали боль, но вызывали путаницу в мыслях и перепады настроения.

«Зачем я тебя взяла? — спрашивала она. — С чего решила, что ты можешь меня спасти?»

Конечно, она была не в себе, когда говорила это. Но в моем раннем детстве ее настроение то и дело менялось. Я помню хорошие дни; помню, как она смеялась и радовалась мелочам; и помню плохие, и ее растущий страх перед надвигающейся тенью. Позже я поняла. Черный Человек был символом будущего и символом прошлого. Это из-за него мы нигде не задерживались дольше чем на неделю; из-за него она выкидывала мои игрушки — слона, старенького бурого мишку, Мольфетту, мою милую Мольфетту, — когда я слишком привязывалась к ним.

«Он чует их запах на тебе, — говорила она. — Он знает, когда ты начинаешь привязываться. Единственный способ спастись от него — это ни на что не полагаться, ни в кого не верить».

Я часто размышляла, не значит ли это, что однажды она бросит меня. Порой мне этого почти хотелось. Моя постыдная тайна в том, что иногда мне хотелось, чтобы мать меня бросила. И теперь, когда я сама скоро стану матерью, я задаюсь вопросом: не будет ли ребенок думать обо мне так же и мечтать выдрать из земли корни, которые я отрастила ради него? Ведь я уже знаю, что этот ребенок станет центром моего мира. Я уже это чувствую, хотя он всего лишь пульсирующий комочек клеток. Точно так же, как знаю, что ему понадобится место, чтобы ответвиться от меня.

«Виан, дети всегда так поступают, — говорила мне мать. — Они учатся расти вбок. Твоя задача — любить их. Их задача — сбежать от тебя. И ты должна их отпустить, потому что таков твой долг перед вселенной».

Она сказала, что я должна усвоить этот урок с Мольфеттой. Мольфетта — крольчиха, последняя и самая любимая игрушка моего раннего детства. У нее был грязно-розовый мех, ленточка на шее, и я таскала ее за собой годами. Даже лишившись ее, я шепталась с ней в темноте бесчисленных номеров мотелей. Я купала ее в раковинах бесчисленных придорожных кафе. От нее пахло тем, что сходило за дом в нашей кочевой жизни, и когда мне было восемь, мать оставила ее на скамейке у железной дороги в Сиракузах, чтобы научить меня не привязываться. *Потому что налегке путешествовать проще.*

«Я не знаю, как тебя зовут, — говорю я ребенку, который пока лишь контур в моем будущем. — Но уже знаю, что однажды ты покинешь меня и отправишься путешествовать налегке». Я пытаюсь отогнать эту грустную мысль движением пальцев. *Кыш, кыш, пошла прочь!* Но печаль не уходит. Она со мной навсегда. Это цена, которую мы должны заплатить. Неожиданно взрослая мысль для девочки, которой я когда-то была; девочки, которая собирала рецепты, воровала меню из ресторанов и мечтала о блюдах, которые никогда не попробует в местах, где никогда не сможет остаться. Девочки, которая тайком возвращалась, когда ее мать сбегала из очередного дешевого кафе, не заплатив по счету, чтобы оставить немного денег — на случай, если в краже обвинят официантку. Сколько от матери погребено в моем подсознании; сколько сумело перейти в этот плод? Сколько ее долгов перед миром мне придется уплатить, чтобы заслужить свое счастье? *«Обещаю, твоя Мольфетта всегда будет с тобой, — говорю я ребенку в своей утробе. — Ты не лишишься ее. Мы не будем путешество-*

Фианн

вать налегке. Мы будем такими тяжелыми, что ветер пронесется над нами и умчится в холмы».

Но голос матери не утихает. *Мир должен оставаться в равновесии. Не бывает дара без потери. Мечтай осторожно, Фианн. Думай о том, что обещаешь. Бери у мира, что можешь, и беги, прежде чем он об этом узнал. Помни об этом, и будешь в безопасности. Черный Человек не найдет тебя.*

Солнце пылает. Обжигает глаза. Но глядя на вершину Холма, я вижу, что золотая заноза в небе — это статуя Девы Марии с младенцем Иисусом на руках. Я мало что знаю о церквях. Не посещаю их по многим причинам. Но в этом здании — в этой базилике — есть что-то привлекательное. Возможно, ее длинная прохладная тень. Или история, которой веет от каждого камня мостовой. Или мать, которая возвышается над городом и крепко держит свое дитя, чтобы ветер не вырвал его из рук.

Bonne Mère. Здесь, в Марселе, это молитва, это клятва, богохульство, возвзвание. Добрая Мать здесь ради всех нас; она рядом в каждом мгновении нашей жизни. Она дарит этому одинокому городу надежду; память о материнской любви.

Как стать добродушной матерью, мама? Я не знаю. Никто не заслонял меня от ветра. Зато я научилась лететь на крыльях бури, подобно брошенному камешку, скользить, едва касаясь воды. Задержись на мгновение, и утонешь. Чтобы выжить, надо постоянно двигаться. Я знаю, что она сказала бы мне сейчас: не следует пытаться удержать этого ребенка. «Ребенок — это камень на сердце. Долг, который нужно уплатить. Лучше верни его миру, — говорит она, — пока он не изменил тебя. Верни его вселенной, пока он не утянул тебя на дно».

Слишком поздно, мама. Этот ребенок принадлежит мне. Я не могу его отдать и не отдаю. Я понимаю, что мне придется нелегко. Придется принимать непростые решения. Но